© 2017 г.

Г.В. ЦЫПКИН

РУССКИЕ МЕДИКИ В ЭФИОПИИ. У ИСТОКОВ ОТНОШЕНИЙ ДВУХ СТРАН

Цыпкин Георгий Викторович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00032 «Африка в судьбе России, Россия в судьбе Африки».

В последние десятилетия XIX в. стали устанавливаться отношения между Россией и Эфиопией, исподволь налаживаться контакты между правительствами обеих стран.

Почему именно к Эфиопии (или Абиссинии, как еще называли эту страну за ее пределы) устремились взоры российской дипломатии, почему именно эта страна вызвала у русской общественности столь глубокий интерес? Во-первых, к концу позапрошлого века Эфиопия оставалась единственным африканским государством, сумевшим в период «схватки за Африку», колониального раздела Африканского континента европейскими державами, сохранить свою политическую независимость и свои традиционные институты. Во-вторых, определенная схожесть между русской православной и эфиопской монофиситской церквями предопределила интерес к Эфиопии в России. Следует подчеркнуть, что в политике России по отношению к Эфиопии совершенно отсутствовали геополитические и стратегические соображения. Безусловно, Россия нуждалась в опорном пункте на побережье Красного моря, где следовавшие на Дальний Восток русские корабли могли бы сделать остановку, пополнить запасы угля, провианта и свежей воды, а моряки хоть на время ощутить под ногами земную твердь. Но Эфиопия не имела выхода к морю. Еще в XVI в. все побережье было завоевано Турцией, в дальнейшем передавшей контроль над ним Египту. В конце XIX в. в период колониальных захватов береговая линия была поделена между Великобританией, Францией и Италией.

Зарождению интереса в России к Эфиопии способствовала деятельность представителей русского духовенства в Иерусалиме, где находились подворья многих христианских церквей, в их числе русской и эфиопской. Особого внимания заслуживает деятельность архимандрита Порфирия Успенского, который после подписания императором Николаем I в феврале 1847 г. указа о создании русской православной миссии в Иерусалиме возглавил ее. Со временем, сблизившись с находившимися в Иерусалиме эфиопскими священнослужителями, он превратился в адвоката сближения и в конечном счете объединения русской и эфиопской церквей и установления в дальнейшем прочных политических связей между обеими странами.

В статье «Церковное и политическое состояние Абиссинии с древнейших времен до наших дней»¹ и в докладной записке Святейшему Синоду «Участие России в судьбе Абиссинии»² архимандрит предлагает проект установления и развития русско-эфиопских отношений.

¹ Успенский П. Восток христианский. Абиссиния. Церковное и политическое состояние Абиссинии с древнейших времен до наших дней. – Труды Киевской духовной академии, 1866, № 3, 5, 6.

² Успенский П. Участие России в судьбе Абиссинии. – Труды Киевской духовной академии, 1866, № 8.

В записке в министерство иностранных дел «Соображения об участии России в судьбе Абиссинии» Порфирий Успенский конкретизирует свои взгляды на возможные действия России в Эфиопии, порой выходящие за рамки чисто богословских проблем: «предстоит нам дело тройное, любознательное, церковное и политическое». Он предлагает изучать веру и суеверие тамошних племен, языки и наречия, предания и поверья, сказки и историю, поэзию, законы, земледелие, промышленность, торговлю и воинское искусство. «Но не за одними прибытками знания должны мы идти в Абиссинию: там у нас есть другое дело – дело священное, церковное, именно:

а) возобновление догматического союза Абиссинской церкви с нашею и чрез нее со всей Православно-кафолическою Церковью, при неизменности наружного богослужения, какое где есть;

б) учреждение независимой Абиссинской иерархии посредством единовременно рукоположения двух-трех абиссинцев в сан епископский в одном из епархиальных городов России, дабы Абиссинская церковь не стесняема была невежеством и корыстолюбием Коптского архиепископа, который есть раб Египетского паши и игрушка европейских консулов, состоящих при этом наместнике турецкого султана;

в) преобразование существующих в Абиссинии семинарий и открытие новых училищ для распространения просвещения в тамошнем клире и народе в духе православия и самодержавия и для развития в них вкуса к изящным искусствам, воспринятых Православной Церковью;

г) содействие к распространению христианства в соседних с Абиссинией странах, именно в Нубии, Сенааре, Кардофане, Камбате, Дарфуре, Каботе, Адели и далее, посредством абиссинских миссионеров и дьяконисс».

Но архимандрит не ограничивается только церковными интересами: «Определим теперь наши политические действия в этом государстве.

Мы не можем заключить торгового союза с ним, потому что не имеем купеческого флота, да если имели его в портах Балтийских и Сибирских, то не получили бы выгодного первенства перед англичанами, которым несравненно удобнее нас снабжать всем нужным абиссинские рынки из Индии, близкой к пристаням Черного моря и Индийского океана»³.

В дальнейшем при более тщательном изучении характера и особенностей обеих церквей выяснилось, что, хотя обе они принадлежат к восточной ветви христианства, между ними существует достаточно много непреодолимых различий. Эфиопская церковь, в отличие от русской православной, была приверженницей монофиситства, в соответствии с которым признавалась лишь божественная сущность Иисуса Христа, а она, по мнению эфиопской церкви, поглотила сущность человеческую. Уже это обстоятельство делало невозможным особое сближение, не говоря уже об объединении церквей. Существовали также серьезные различия в церковных ритуалах, например элементы иудаизма и даже язычества в отправлении религиозных культов в Эфиопии.

Оторванные на протяжении многих веков от других христианских стран (академик Б. А. Тураев метко назвал Эфиопию «захолустьем христианского мира»), эфиопы слабо представляли сущность христианства, исповедуемого в России. На это, в частности, позднее указал известный специалист по истории христианской церкви Василий Болотов, который убедительно доказал, что эфиопские христиане в целом являются монофиситами и что именно эфиопские богословы будут препятствовать возможному объединению. По его мнению, они «охладеют к русской церкви, когда узнают, что мы, как протестанты и католики, признаем в Христе два естества и две воли»⁴.

Постепенно разговоры об объединении церквей закончились, сведясь к признанию просто религиозной близости народов обеих стран, что нередко использовалось

³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. Политархив, оп. 482, д. 1999, л. 57–60.

⁴ Болотов В. Несколько страниц из церковной истории Эфиопии. СПб., 1888, с. 13–14.

как Россией, так и Эфиопией в политических целях. Вместе с тем многочисленные статьи Порфирия Успенского привели к тому, что эфиопы стали восприниматься в России как «наши черные единоверцы» и «наши черные единоверные братья». Практически эти определения стали синонимами этнонима «эфиопы», или абиссинцы. Россиянам импонировало, что где-то в Африке проживают люди, близкие им по вере. Да и сама Африка перестала представляться континентом, населенным дикарями-язычниками.

В период, предшествовавший дипломатическому сближению обеих стран, связи между ними поддерживались многими русскими путешественниками, которых было немало. Практически каждый из них по возвращении на родину опубликовывал воспоминания о пребывании во все еще мало известной африканской стране. Упоминания заслуживают, в частности, поездки в Эфиопию в 1886–1889 гг. казачьего атамана Николая Ашинова со товарищи, сумевшего на короткое время создать на побережье Красного моря казачью станицу «Новая Москва», Н. С. Леонтьева в 1896–1897 гг., экспедиция А. В. Елисеева, Н. С. Леонтьева, К. С. Звягина и архимандрита Ефрема в 1894–1895 гг. Особо стоит отметить путешествие в 1889–1891 гг. поручика В. Ф. Машкова, который несколько раз выступал в роли своеобразного почтальона, доставляя послания эфиопского монарха русскому императору и наоборот.

Отказ Эфиопии принять над собой протекторат Италии привел к ухудшению отношений между двумя странами и, в конечном счете, к агрессии Италии против Эфиопии. С самого начала итало-эфиопской войны 1895–1896 гг. позиция России была четко проэфиопской и антиитальянской. Дело не только в том, что за сохранение своей независимости и территориальной целостности сражалась страна, дружественная и близкая по вере, но и в том, что в роли захватчика выступала Италия, член Тройственного союза, которая послушно шла в кильватере Великобритании, являвшейся в конце XIX в. главным соперником России. Газета «Биржевые ведомости» писала: «России выгодно, чтобы итальянцы поболее и подолее занимались колониальными приключениями в Африке. России это выгодно в том же смысле, как и отвлечение внимания Англии к заатлантическим ее интересам. При таких условиях и занятиях будет спокойнее в Европе и Азии, где сосредоточены важнейшие наши интересы. Но из этого же следует, что Россия имеет много поводов желать полного успеха Абиссинии, ее самостоятельности и независимости»⁵.

Все события, разворачивавшиеся на театре военных действий, находили отражение на страницах российской печати. Русские военные специалисты тщательно изучали действия эфиопских и итальянских войск, подчеркивая удачную тактику эфиопов в отдельных сражениях. Материалы о ходе войны регулярно появлялись на страницах русской прессы: в «Биржевых ведомостях», «Московских ведомостях», «Вестнике Европы», «Ниве», «Новом времени», «Русской мысли», «Русских ведомостях» и многих других. Россияне симпатизировали Эфиопии и ее правому делу, желали победы эфиопскому оружию.

Необходимо вспомнить, что в процессе постепенного сближения обеих стран еще до начала военных действий на территории Эфиопии Россия не раз оказывала поддержку этой стране. Так было, например, когда, исходя из сфальсифицированного итальянского текста Уччиальского договора о дружбе и торговле между Италией и Эфиопией 1889 г., Рим заявил об установлении протектората над Эфиопией, что совсем не следовало из амхарского текста договора. В отличие от большинства западноевропейских государств, признавших версию Италии, Россия, исходя как из собственных интересов, так и из интересов Эфиопии, заняла прямо противоположную позицию. «Ввиду того, что договор Италии с Менеликом состоялся без нашего согласия, — говорилось в телеграмме российского МИД от 7(19) марта 1890 г. представителю России на Брюссельской конференции Урусову, — мы отказываемся признать протекторат Италии над Эфиопией»⁶. Эфиопский монарх высоко оценил позицию нашей

⁵ Биржевые ведомости, 29.XII.1895.

⁶ Ламдорф В. Н. Дневник (1886–1890). М. — Л., 1926.

страны в данном вопросе, что неоднократно отмечал в своих письмах в Россию и беседах с русскими дипломатами.

Упоминания заслуживает и оказание Россией материальной помощи Эфиопии. В январе 1896 г. в Петербург прибыл специальный представитель императора Менелика француз Л. Шефне, которому из государственных арсеналов было передано 30 тыс. берданок, 5 млн патронов и 5 тыс. сабель⁷. К сожалению, из-за чинимых итальянцами препон корабль, перевозивший это оружие, был задержан в одном из портов Красного моря, и груз прибыл к месту назначения уже после окончания военных действий.

Отдельная страница набравшего силы процесса сближения двух стран – отправка в 1896 г. в Эфиопию санитарного отряда Российского общества Красного Креста.

После завершения итало-эфиопской войны победой Эфиопии по частной инициативе в России развернулся сбор средств в помощь эфиопам. Когда же было принято решение послать в Эфиопию отряд русских медиков, тысячи наших соотечественников изъявили желание отправиться в далекую страну для оказания помощи раненым в боях эфиопским солдатам. Справедливости ради нужно отметить, что идею об отправке врачей в Эфиопию предложила итальянская община Одессы и начала сбор средств. Но предполагалось оказывать медицинскую помощь раненым итальянским военнопленным, своим соотечественникам, в то время как Россия была готова предоставить милосердную помощь пока еще далеким, но религиозно близким людям, ставших жертвами итальянской агрессии. Подчеркнем, что русские медики готовы были оказывать помощь и пленным итальянским солдатам, не делая различия между нуждающимися в помощи.

Принятое 10 марта 1896 г. на заседании главного управления Российского общества Красного Креста решение об отправке в Эфиопию отряда врачей было опубликовано в газетах, после чего в Красный Крест начали поступать денежные пожертвования, а также многочисленные заявления от врачей, в том числе известных профессоров медицины, сестер милосердия, студентов медиков и фельдшеров с просьбой включить их в состав экспедиции.

В конце концов был сформирован отряд из 61 человека во главе с генерал-майором Н. К. Шведовым. В его состав вошли уже побывавший до этого в Эфиопии К. С. Звягин, поручик Ю. В. Кохановский, подполковник Е. А. Максимов, корнет Ф. У. Криндач, поручик А. К. Булатович, 7 врачей, 4 лекарских помощника из числа студентов Военно-медицинской академии, 6 фельдшеров, 2 аптекаря, 17 медицинских сестер, 21 санитар и иеромонах Александр⁸. Упомянутые офицеры составляли конвой экспедиции и отвечали за ее безопасность.

Интересные подробности, касающиеся пути следования санитарного отряда в Эфиопию и по Эфиопии в Аддис-Абебу, содержатся в отчете председателя Российского общества Красного Креста М. П. Кауфмана товарищу министра иностранных дел России Н. П. Шишкину: «Его Императорское Величество благоугодно было с особым вниманием отнестись к задаче, которую Русский Красный Крест счел своей нравственной обязанностью принять по отношению к воюющим странам, и в особенности к лишенной всякой медицинской помощи Абиссинии, поэтому я поставляю себе долгом сообщить Вашему Превосходительству в общих чертах подробности как о движении отряда, так и о деятельности его на месте и отношениях к нему Негуса для всеподданнейшего о сем доклада Государю Императору.

Как Вашему Превосходительству известно, после отказа Италии от санитарной помощи Российского Общества Красного Креста как в Массове, а затем и в Неаполе, где были сосредоточены итальянские раненые, а также ввиду отказа пропустить предназначенную для Абиссинии часть санитарного отряда ближайшим путем через Массову, Главное Управление, не останавливаясь пред громадными, предстоящими продвижению отряда дальним путем трудностями и крупными расходами и дабы не

⁷ Центральный государственный военный архив, ф. 40, д. 135, л. 5.

⁸ *Райт М. В.* Русские экспедиции в Эфиопии в середине XIX – начале XX в. и их этнографические материалы. – Африканский этнографический сборник, № 1. М., 1956, с. 242–243.

лишать раненых и больных абиссинцев совершенно отсутствующей у них медицинско-санитарной помощи, решило направить свой отряд кругом через Красное море на французскую колонию в Обоке... Сестрам милосердия в числе 12, входивших в состав отряда, которые могли не перенести трудностей пути, а ответственности за несчастье с ними Главное Управление не решилось взять на свою совесть, предложено вернуться обратно в Россию, что они и выполнили с нескрываемым огорчением»⁹.

Несмотря на неоднократные препоны, создаваемые итальянцами, в начале мая 1896 г. санитарный отряд достиг Эфиопии. По просьбе ближайшего сподвижника императора Менелика губернатора Харэра раса Мэконнына почти половина медиков во главе с доктором Д. Л. Глинским осталась в Харэре, остальная часть направилась в Аддис-Абебу. Путь в столицу Эфиопии оказался непростым, то и дело возникали непредвиденные трудности: тяжелые климатические условия, нехватка вьючного транспорта, болезни многих участников экспедиции, не всегда дружеское расположение местного начальства. Как отмечалось в уже упомянутой записке, «абиссинцы, привыкшие к тому, что европейцы являются в Абиссинию, преследуя главным образом личные выгоды, не могли понять бескорыстного назначения отряда, поэтому некоторые расы были против прибытия нашего в столицу»¹⁰. Ко двору Менелика был срочно отправлен входивший в конвой санитарного отряда корнет А. К. Булатович, который, за несколько дней преодолев около 400 верст пути, рассказал эфиопскому монарху о проблемах, вставших на пути медиков. Как это часто бывает, вмешательство первого лица в государстве ускорило ход событий. Но пока отряд оставался в Харэре, наступил сезон дождей, ежегодное бедствие для Эфиопии, из-за разлива рек передвижение во многих районах стало невозможным. Не случайно в истории Эфиопии на время сезона дождей все боевые действия откладывались до более сухих времен. Как сообщал в своем донесении М. П. Кауфман, правителям попутных провинций было приказано ввиду дождей, «хоть на руках, но во что бы то ни стало доставить отряд»¹¹. Несмотря на трудности перехода на каждом привале врачи оказывали медицинскую помощь больным эфиопам, которые, узнав о русских врачах, стекались к ним со всех сторон.

Справедливости ради следует отметить, что поначалу император Менелик не выражал особого энтузиазма по поводу предстоявшего приезда в его страну русских медиков. Кроме того, его смущало большое количество военных в составе отряда. Своему советнику швейцарцу А. Ильгу он как-то сказал, что, дескать, русские могут вылечить шесть или семь тысяч человек, а потом уедут, в то время как в Эфиопии миллионы людей горят желанием сражаться и умирать за своего императора¹². Однако, наблюдая за работой русских врачей, он полностью изменил свое мнение.

24 июля 1896 г., после пяти недель изнурительного перехода, медицинский отряд прибыл в Аддис-Абебу. Следует отметить, что Менелик заранее подготовился к приезду русских. Для размещения медиков императором была куплена единственная в городе по-европейски устроенная усадьба, принадлежавшая бывшей восточноафриканской компании. Для ремонта было нанято 500 рабочих и император лично приезжал следить за ходом работ.

Как Аддис-Абеба встречала изрядно уставший в пути медицинский отряд, описано в воспоминаниях одного из его членов: «Встреча нашего отряда была торжественна. В церкви Св. Троицы был отслужен благодарственный молебен и вознесены молитвы за здравие Государя Императора, затем весь отряд был принят Негусом в торжественной аудиенции во дворце. Негус выразил особое удовольствие видеть отряд благополучно прибывшим, особенно ввиду трудного в это время года пути. Он выразил глубокую признательность за присылку отряда, в помощи которого народ очень нуждается.

⁹ АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 159, л. 84–85.

¹⁰ Там же, л. 89.

¹¹ Там же.

¹² *Морозов Е. В.* Внешняя политика Эфиопии и российско-эфиопские отношения в конце XIX – начале XX в. СПб., 2007, с. 123.

Он несколько раз повторял, что тем более ценит прибытие отряда, что прибывшие русские были лишены возможности быть в России во время торжественного помазания на Царство Государа Императора»¹³.

Сразу же по прибытии в Аддис-Абебу был открыт временный полевой госпиталь в палатках на 30 коек. При госпитале тут же был начат амбулаторный прием. Число посещений в день доходило до 250 человек. Весть о русском госпитале быстро разнеслась далеко за пределы столицы, порой с просьбой о помощи обращались жители довольно отдаленных мест: «На отведенном для Красного Креста месте были разбиты палатки для помещений амбулатории, хирургического зала, для постоянных больных и для санитарного отряда; работы персонала по оказанию помощи раненым немедленно началась. По мере того, как выяснилось значение нашей помощи, прилив больных все увеличивался и вместе с тем увеличивалось расположение к отряду как населения, так и самого Негуса. Во время неоднократного посещения отряда Негус выражал свое удовольствие по поводу оказываемой больным бескорыстной помощи: что он высоко ценит помощь, оказанную Россией посылкой санитарного отряда; что он теперь ясно видит бескорыстную дружбу России к Абиссинии и останется неизменен в своих благодарных чувствах. Управляющему хозяйством Двора предписано оказывать русскому отряду содействие во всем, что только ему понадобится и немедленно докладывать Негусу о всех нуждах и желаниях главноуполномоченного. Затем Негус, посещая помещения санитарного отряда, осматривал амбулаторию, аптеку, склад, присутствовал при приеме больных и при операциях, подробно расспрашивал о разных медицинских предметах и всякий раз выражал полное удовольствие всем виденным. Как сам Негус, так и супруга его, а затем и все главнейшие власти стали пользоваться у наших врачей»¹⁴.

В целом же, медицинскую помощь как в Харэре, так и в Аддис-Абебе получили более 30 тыс. пациентов. Кроме того, силами русских врачей и в Харэре, и в Аддис-Абебе были открыты курсы по подготовке медицинского персонала из самих эфиопов. Как уже отмечалось, большое внимание работе русских врачей уделяли сам император Менелик, его жена императрица Таиту, которые неоднократно присутствовали во время проведения операций, многие представители эфиопской знати. Пребывание в стране санитарного отряда Красного Креста побудило императора создать общество Эфиопского Красного Креста, которому в дальнейшем было передано медицинское оборудование и медикаменты русского госпиталя. Можно сказать, что пребывание в Эфиопии русских медиков положило начало современной медицине в стране. По словам генерала Шведова, работа русских врачей «вселила в Абиссинию сознательное отношение к научной медицине и великой гуманной идее Красного Креста, подняла престиж европейца, совсем упавшего после войны... и установила настоящий взгляд на русских»¹⁵.

Немаловажно и то, что впервые тысячи простых эфиопов воочию увидели людей из далекой России, о которых они практически ничего не знали. Они прониклись готовностью этих людей помочь им в трудную минуту, оценили внимательное отношение к их проблемам. И хотя всех европейцев в Эфиопии называли «ференджами», определение, содержащее некую долю враждебности и недоверия, русских же в стране стали называть «мэскобами», от слова «Москва». Эта традиция продолжается и до сих пор.

21 октября 1896 г. весь санитарный отряд, за исключением пяти медиков, оставленных в Аддис-Абебе по личной просьбе Менелика еще на три месяца, отправился в обратный путь. Все участники отряда были награждены благодарным эфиопским императором орденами, медалями, грамотами и различными подарками. Вот, например, перевод и описание одной из жалованных грамот:

«Печать с гербом Абиссинии и обычной эфиопскою легендою: “Победил есть лев, иже сый, от колена иудова”.

Мынилик Второй

¹³ АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 159, л. 84–85.

¹⁴ Там же, л. 91.

¹⁵ Цит. по: *Кацнельсон И., Терехова Г.* По неизвестным землям Эфиопии. М., 1975, с. 37.

Богом поставленный царь царей Эфиопии. Удостоверившись в заслугах врачей — членов Московского общества Красного креста, прибывших на службу в царство Эфиопское, украсили Мы знаком учрежденного в Эфиопии общества Красного креста. Сей знак отличия пожаловали Мы им для ношения на груди. Имена членов Московского общества Красного креста, прибывших в Эфиопию и пожалованных сим знаком отличия, мы перечисляем в нижеследующем приложении:

Начальник прибывшего отряда Николай Шведов, священник Александр Головин, главный врач Болеслав Родзевич, врач Давид Глинский, врач Николай Бровцын, врач Леонид Перфильев, врач Григорий Бовин, врач Федор Гольцингер, врач Ксаверий Быковский.

Помощники врачей: Петр Щусев, Георгий Федоров, Павел Миллер, Константин Кречунеско.

Пребывающие в другом отряде: Константин Звягин, Юрий Кохановский, корнет Александр Булатович, секретарь Федор Криндач, аптекарь Артур Вильде.

Помощники врачей, которые произвели хирургические операции над ранеными — Сергей Сасон.

Писано в Аддис-Абебе в 14 день месяца тыр в “лето благодсти” 1889-е (по юлианскому календарю: 9 января 1897 г. — *Г.Ц.*). Перевел с амаринья Василий Болотов, ординарный профессор С.-Петербургской духовной академии¹⁶.

Сам характер проводов медицинского отряда из Энтото (резиденции императора Менелика вблизи Аддис-Абебы) свидетельствует, насколько высоко оценила работу русских медиков эфиопская сторона. Вот что сообщал о ней в письме Н. К. Шведов: «Из Энтото я выступил 10-го октября ст. ст. с такими торжественными проводами, каких до сих пор в Абиссинии не помнит история. Меня с отрядом выехал проводить за город сам Император Менелик с громадным войском. Прощание было самое сердечное, и он искренне благодарил за помощь, оказанную ему Россией. 5-го октября благодаря тому, что наша помощь ознакомила народ с идеей Красного Креста и что я оставил в дар Абиссинии наш госпиталь, было устроено торжественное открытие Абиссинского Красного Креста в присутствии Императора, Абуны (глава эфиопской церкви. — *Г.Ц.*), придворных чинов и всей европейской колонии. Был спущен наш флаг и поднят над госпиталем флаг Абиссинский и Красного Креста. Торжественный молебен совершил сперва наш иеромонах, а потом Абуна Матеос с абиссинским духовенством. Церемониал выработал я, Император согласился, и вот впервые Абиссиния видела вместе наше и их духовенство... Затем был сделан салют: шесть выстрелов Русскому Красному Кресту и шесть Абиссинскому. Стреляли из абиссинских пушек. После церемонии Император и Абуна Матеос посетили меня и завтракали. Это также большое внимание и уважение к представителю из России. Абуна, по обычаю, не делает никому визитов. К сказанному добавлю, что император часто приезжал ко мне, долго сидел, говорил о делах, завтракал и вообще бывал совершенно дружески, запросто. До сих пор он ни у кого не бывал из европейцев, а у своих подавно. Я бывал часто у него и Императрицы и обедал втроем с ними»¹⁷.

В своем письме в адрес Российского общества Красного Креста Менелик писал: «Сегодня, в трудное время, когда люди разделились на друзей и врагов, русское государство в отличие от всех других объявило в знак прежней дружбы о посылке врачей для нас от вашего общества Красного Креста. Работа, проделанная с вашей помощью врачами Красного Креста, видна в нашей стране для всех. Показанный вами пример запечатлелся в сердце народа Эфиопии. Мы надеемся, что начатое этим в Эфиопии дело христианского милосердия будет вечно жить и укрепляться... да крепнет в веках дружба наших обеих государств»¹⁸.

¹⁶ Центральный государственный военно-исторический архив, ф. 277, 1896–1903 гг., д. 2946, л. 314.

¹⁷ АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 136, л. 40.

¹⁸ Там же, л. 31.

Вернувшись на родину, участники русского санитарного отряда стали знакомить россиян с самыми разными сторонами жизни эфиопского общества. Так, по инициативе К. С. Звягина в Петербурге в помещении общества Красного Креста была устроена этнографическая выставка, на которой были представлены многочисленные экспонаты, привезенные участниками экспедиции. О возрастающем интересе к Эфиопии в России свидетельствует, в частности, то, что за месяц выставку посетило около 7 тыс. человек. Позднее аналогичные выставки были устроены в Москве и Одессе. Кроме того, ряд участников медицинского отряда выступили с докладами на заседаниях Российского географического общества. О работе экспедиции были изданы книги, написанные очевидцами¹⁹.

Особого упоминания заслуживает вышедшая несколько позже в серии докторских диссертаций работа доктора Н. П. Бровцына, медика, особо ценимого императором Менеликом. В его книге «Материалы по этнографии Эфиопии. Абиссинцы провинции Шоа» помимо чисто медицинских тем содержится интересный этнографический очерк о повседневной жизни эфиопов, в частности о характере их жилищ, одежде, пище, общественной жизни и внутреннем быте, семье и положении женщин, свадебных обрядах, существовавшем в стране рабстве, судебной системе, играх и развлечениях²⁰.

В целом же, успешная деятельность русских врачей стала важным этапом в развитии дружественных отношений между Россией и Эфиопией, кульминацией которых стало установление в 1897 г. дипломатических отношений между двумя странами и прибытие в начале 1898 г. в Аддис-Абебу первой русской чрезвычайной дипломатической миссии во главе с действительным статским советником П. М. Власовым.

Вместе с тем эпопея русских медиков в Эфиопии с отъездом санитарного отряда не закончилась. Фактически сразу же император Менелик в письме в Россию выразил просьбу о присылке в его страну новых врачей вместо уехавших. Полгода работы русских врачей привели к тому, что из скептика император превратился ярого поборника русской полевой медицины.

Русское правительство благосклонно отнеслось к просьбе эфиопского монарха и в состав чрезвычайной дипломатической миссии, отправившейся в октябре 1897 г. в Эфиопию, вошел санитарный отдел, состоявший из двух врачей, одного фармацевта и двух классных фельдшеров. Месяц спустя после прибытия миссии в Аддис-Абебу, в начале марта 1898 г., состоялось открытие русского госпиталя с амбулаторией, которые расположились на том же месте, где некогда стоял санитарный отряд.

Первоначально госпиталь представлял собой ряд палаток офицерского образца, позднее по повелению императора было построено специальное здание, больше подходящее для лечения больных. Услугами госпиталя пользовались все жители страны, невзирая на чины и ранги. Пациентами русских врачей были император и императрица, их родственники, представители церковной и светской знати, равно как и крестьяне и даже рабы. В Аддис-Абебе не было другого медицинского заведения, вследствие этого за помощью к русским врачам обращались как дипломатические представители европейских держав, так и европейцы, находившиеся в эфиопской столице.

В целом же, деятельность русских врачей в Эфиопии является яркой страницей дружественных отношений обеих стран. И по сей день русский госпиталь имени Балча, названный так в честь эфиопского героя двух итало-эфиопских войн, является одним из примечательных мест эфиопской столицы, известным медицинским центром не только в Эфиопии, но и во многих странах Африки.

¹⁹ Криндач Ф. Русский кавалерист в Абиссинии. СПб., 1897; *его же*. Очерк промышленности и торговли Абиссинии. СПб., 1899; Глинский Д. Л. Харрар и его обитатели. Гродна, 1897; *его же*. Жизнь русского санитарного отряда в Харраре. Гродна, 1899.

²⁰ Бровцын Н. П. Материалы по этнографии Эфиопии. Абиссинцы провинции Шоа. СПб. 1909.